

ІРИНА ВАСИЛЕНКО

СРЕДОРОДИЦА ПЛАСТИЧЕСКОЙ ХИРУРГИИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

2025

18+

Ирина Василенко

Средородица
пластической хирургии

«Автор»

2025

Василенко И. Н.

Средородица пластической хирургии / И. Н. Василенко —
«Автор», 2025

Книга рассказывает о становлении врача-хирурга в сфере пластической хирургии. Мир врачей закрыт и сакрален, и книга, подобно порталу, открывает читателю мир медицины. Что движет врачом в своем служении людям, что такое эмоциональный вай-фай, что чувствует хирург во время операции и многие другие аспекты откроются во всей полноте. Автор делится своей неординарной жизненной философией и твердой позицией, которые в итоге позволили не только вырасти в известного пластического хирурга, но и стать предпринимателем и основателем клиники пластической медицины. А еще оптимизм и положительный эмоциональный заряд автора придадут читателю новых сил для свершений и помогут найти пути решения в хитросплетениях жизни.

© Василенко И. Н., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Анамнез вместо предисловия	5
Часть первая. Становление. Мои университеты	8
Папа	9
Школа и больница	10
Неслучайные случайности	11
Мама	12
Эмоциональная проявленность	14
Поступление в медицинский	15
Тренерство и фитнес	17
Студенческая жизнь	18
Часть вторая. Пациенты-Проводники	20
История болезни	21
Выбор места	22
Про непростых пациентов и последствия	23
615-я палата	24
Жажда жизни	25
Все свое...	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Ирина Василенко

Средородица пластической хирургии

Анамнез вместо предисловия

Активно оперировать я начала с двадцати четырех лет, и на моем счету более 15 тысяч проведенных операций, хотя знакомство с хирургией произошло гораздо раньше, еще в старших классах школы. Началось с того, что отец-хирург разрешал мне присутствовать в операционной, а потом и ассистировать. Перед операциями я тщательно намывала руки по специальной методике: в двух разных тазиках, ровно по две минуты каждую. До сих пор помню голубой кафель и острый запах муравьиной кислоты. Возвращаясь домой, отец снова продолжал принимать больных и проводить небольшие операции.

Мои детство и юность были буквально пропитаны медициной и ее духом исцеления от боли. Много раз я становилась свидетелем как безмерной благодарности, так и абсолютного равнодушия за оказанную помощь. Человек мог уйти, забыв сказать даже элементарное спасибо. Но для настоящего врача это пустяки, самое главное – призвание.

Я часто видела, как мой отец живет будто в отдельном мире своих представлений и вибраций. Он мог не слышать собеседника и не реагировать на происходящее вокруг, но как только брал в руки скальпель, его буквально сносило потоком включенности, концентрации и четкости. Словно только в эти моменты отец и жил настоящей жизнью. Впервые я отметила у себя похожее состояние через пять лет активной хирургической практики. Самостоятельно проводя сложнейшие операции, порой сопровождающиеся нестандартными и незапланированными задачами, я также научилась включать эту потоковость. Часами оперируя за хирургическим столом, я не испытываю ни усталости, ни голода, ни жажды. Ясная голова, мысли полностью в моменте здесь и сейчас. Внутренняя радость от проживания постепенно усиливается, и вот я осознаю, что вся сконцентрирована в некоем танце рук, мелодии пальцев и вибрации мыслей.

Я стала ждать свой операционный день. Накануне всегда настройка, я как будто освобождаю свой мозг от умозрительного, вкусно ем, занимаюсь йогой или хожу на массаж, в общем, наполняюсь позитивными состояниями. Оперировать я люблю рано утром, было время, когда мы с бригадой начинали в четыре утра. В мире все только пробуждается, а в операционной уже совершается таинство. Бригада работает как единый живой организм, понимаем друг друга с полувзгляда, иногда кажется, что мы даже дышим в унисон. Наркоз, обработка операционного поля, скальпель и... вот я чувствую, как будто мои руки все делают сами, ощущение наслаждения в теле, внешне напряженном, но совершенно невесомом внутренне. Ощущение легкости, полета, счастья, тихой радости, состояние Я – Есмь, Высшее Я, Средород. Это прекрасное чувство.

На эту тему могу говорить бесконечно. Рада, что мне доступен опыт хирурга. Но, возвращаясь мысленно в начало большого пройденного пути, я уверяю, что не было ни планов, ни мечтаний, ни идей, как далеко я смогу пройти. В далеком прошлом я даже не ставила цели проводить большие операции, принимать пациентов из разных стран, иметь свою клинику. Я просто делала маленькие шаги, чтобы выжить, существовать, проживать счастливо и озорно: как-то закончить интернатуру, как-то устроиться на работу, как-то идти на свет к удобной и комфортной мне жизни.

Были и мелкие перипетии, и значимые препятствия. Когда начинает получаться, хирург проходит настоящее испытание. Годами я была на побегушках, писарем, поваром, дежурантом, ассистентом, но все не зря! Вот я уже со скальпелем в руке, вершительница судеб! Операции

все сложнее, появляется ощущение Бога – вот опасная ловушка для эго. Вроде внешне я все та же Ира, а эго все шире и начинает поглощать меня. Работы прибавляется, очереди из благодарных пациентов растут, пиетет и трепет, ловлю восторженные взгляды людей при моем появлении. Затем, формально из-за усталости и напряжения, они начинают раздражать, и вот уже я грублю им. Везде чувство НАД: сотрудники «тупые», повсюду конфликты и контроль, а дистанция между «всемогущей» мной и людьми, без которых на самом деле ничего не произойдет, постоянно увеличивается. Такую ловушку проходил каждый амбициозный хирург, которого я видела на своем пути, и даже сейчас, встречая новую восходящую звезду, мысленно обнимаю, как младшего брата или сестру. Я знаю эти ощущения, пиковые состояния, и, улыбаясь, принимаю их.

Когда последующие закономерные падения приводят к роковым исходам, завершению карьеры, разрыву семейных отношений или переезду в другую страну, мне очень жаль коллег. Но, когда переход на новый уровень происходит без фатальных потерь, как это было у меня, искренне радуюсь. После тяжелых ударов я, как птица феникс, оживала, расправляла крылья и парила, расслабленно пребывая во внимании каждый момент времени. И вновь потоковое состояние у операционного стола, когда пальцы делают все будто самостоятельно, а я одновременно ощущаю максимальную концентрацию и легкость. После тысячной операции появляется определенное чутье.

Глубинным ощущением я предчувствую возможные осложнения, при всей иррациональности с точки зрения разума. Анамнез не отягощен, пациент обследован, анализы прекрасные, риски сведены к нулю, а чуйка сигнализирует: «Ира, готовься». Порой приготовиться к неприятностям помогают сны накануне операции, главное, уметь чувствовать, для чего мне даны те или иные ощущения.

Как-то я оперировала свою подругу Ингу, маму двоих прекрасных деток. И в ночь перед операцией вижу сон: оперирую пациентку на кухне, ее долго не могут интубировать (введение эндотрахеальной трубки в трахею с целью обеспечения проходимости дыхательных путей), длительность подготовки операционного поля затягивается. Вдруг заходит много студентов-хирургов, все стоят вокруг стола, я нервничаю, ругаюсь и никак не могу начать. На этом проснулась и в пожеванном состоянии поехала на работу, подбадривая себя, что впереди хороший день, любимая суббота.

Инга моя спокойна, мы рады друг друга видеть, фотосессия, разметка. Смотрю, рубец после кесарева сечения, предлагаю помимо липомоделирования зализать рубец. Вот она на операционном столе, я провожу забор жира всей передней поверхности, подсекаю рубец канюлей, кладу жир, переворачиваем пациентку на живот и по мочевого катетеру идет чистая кровь – макрогематурия. Первая мысль, что при подсечении рубца от кесарева сечения случилось прободение мочевого пузыря. Вызываю специалиста УЗИ в операционную, прибегают хирурги-коллеги, срочный консилиум. Ситуация неплановая, никто из нас с таким не сталкивался. По УЗИ видно, что пузырь в полпальца от рубца, явных признаков прободения нет. Четко вижу, что это картинка из сна: хирурги обступили стол, обстановка мобилизации. Постепенно после промывания физраствором из катетера идет чистая моча. Совместным принятым решением продолжаю операцию и заканчиваю работу на задней поверхности (липосакция и липофилинг). С учетом кровопотери прикинула тяжесть состояния, анемия 2-й степени, слабость, головокружение. Размываюсь, готовлюсь к следующей операции. Захожу в палату поговорить с Ингой, объяснить нестандартную ситуацию, а она уже бежит как вихрь, обсуждает что-то по телефону. Немного расстроилась, что перенервничала с ней, но рада результатам. На утро делаем УЗИ и видим полип по передней стенке мочевого пузыря, который травмировали катетером при перевороте. Гемоглобин 100. Инга счастлива, счастлив доктор, что все обошлось, счастлива маленькая Афиночка, которая была у меня в животе на пятом месяце

беременности. Несмотря на то, что живот был как камень в моменте пиковых переживаний и по ощущениям матка поднялась под ребра, все, слава Богу, обошлось.

Было много случаев, когда в глубине души я ощущала необходимость мобилизоваться, уделить операции больше внимания из-за возможных неожиданных поворотов событий. Прелести хирургии заключаются в возможности испытать драйв и адреналин. Богиня Хирургия всегда готовит разные испытания, с ней нельзя заигрывать, нельзя доминировать над ней, выгоднее быть менее уверенным, чем самоуверенным.

Потоковость в хирургии часто сопровождается скоростью, я люблю работать на максималках. Движения быстрые, четкие, без перерывов и промедлений, на адреналине включается энергия, и ее нельзя сливать на отдых и ожидания. Любые паузы – тормоз потоковости, идущей накатом. Даже гоночные машины не тормозят на поворотах, идут по внутренней траектории, иначе окажутся в кювете. Поэтому только скорость, только четкость. Было время, я брала две-три сложных операции и шесть-семь маленьких в день, и это были самые счастливые моменты проживания. По окончании последней операции было ощущение, что могу сделать еще столько же, но когда приезжала домой, то просто падала плашмя и лежала без движения.

Часть первая. Становление. Мои университеты

Я уверена, что оперирующий хирург подключен к некоему чувственно-эмоциональному полю медицины, откуда получает подсказки и ответы, зачастую контринтуитивные и ничем на первый взгляд не обоснованные. Это тонкое состояние сонастройки, в котором важно балансировать между объемом знаний, видимым и чувственным. Именно поэтому хирурги всегда находятся на своей волне, выглядят излишне задумчивыми или сосредоточенными.

Папа

Мой отец Николай Василенко – общий хирург. В шесть лет он потерял зрение. Жил он тогда в селе на Херсонщине на берегу Черного моря. В тех местах мальчишки постоянно находили оружие, оставшееся со времен Отечественной войны. Это приводило ко множеству трагедий, одна из которых не миновала и моего отца. Он нашел самопал, взорвавшийся у него в руках и повредивший глаз. Врачи диагностировали ожог роговицы. Как ни странно, папу это не остановило, он продолжил свой мальчишеский исследовательский путь, но последствия второго взрыва оказались намного трагичнее: полная потеря зрения. Кое-как папа добрался домой, взял нож и хотел свести счеты с жизнью, настолько сильно он боялся и наказания строгой матери, и жизни без зрения. Тем не менее ему повезло, после двух операций на глазах в Херсоне и затем третьей в Одессе зрение восстановилось частично, а через год вернулось полностью.

Папа родился 14 февраля в День святого Валентина, наверное, поэтому рос абсолютно влюбленным в жизнь. Самый светлый, добрый и солнечный человек из всех, кого я знаю. Многие сравнивают его с ангелом. С детства у него была любовь ко всему живому, включая птиц, мышей и даже кузнечиков. В папиной доброте и мягкости кроется его суперсила. И если в детстве мне хотелось, чтобы он был более жестким, разбирался в политике, финансах, лучше выстраивал карьеру, то с течением лет я осознала, что все самое необходимое, ценное, важное в нем уже есть. Это природный дар доброты, перед которой открываются все двери, раскрывается любое сердце и происходят невероятные трансформации, нечто необъяснимое, но сильно притягивающее к нему людей. Больные приходили записываться к нему на прием в обход вышестоящего начальства. По правилам внутреннего распорядка операций у заведующего отделением должно было быть больше, но больше их всегда было у отца.

У папы много учеников, он щедро учил оперировать, заниматься гнойными ранами, правильно вести больных и медицинскую документацию. Он преподавал в медицинском училище медсестрам. Учитель на всех фронтах с большим количеством последователей. При этом он всегда был снисходителен к невежеству, гонору, излишним амбициям, и казалось, вообще не замечал человеческие пороки и недостатки. Его взгляд был устремлен куда-то вдаль, романтизирован. Складывалось впечатление, что обыденные вещи типа денег его вообще не интересуют, что он знает нечто важное, недоступное другим людям. Папу нельзя было остановить в стремлении сеять зерна добра, кропотливо поливать и терпеливо ждать всходы. Он созидатель и наблюдатель прекрасного в людях.

Мама часто пилила его за небольшой для его квалификации заработок, но с течением времени я увидела, что, следуя сердцу и законам добра, в итоге выигрываешь гораздо больше. Правильная стратегия – это игра в долгую. Именно тогда потенциал мироощущения, уровень жизни и здоровье становятся кратно выше. Пожалуй, это самый важный урок, усвоенный от отца. Когда я становлюсь перед выбором между быстрым результатом с реализацией на «тоненького» и долгим путем внутреннего сердечного отклика, с озарениями и слабо прогнозируемыми результатами, то вспоминаю образ отца, чей код ужешит в меня. Зажмуриваю глаза, и ретикулярная формация принимает решение идти путем сердца. Важно уметь заглянуть за горизонт, поднявшись над обыденностью и сиюминутной выгодой с удовлетворением бытовых нужд.

Школа и больница

Гимназия, в которой я училась, находилась по соседству с больницей, где работал папа. Жили мы далековато, добираться нужно было на машине. Поэтому после учебы я шла в отделение плановой общей хирургии, чтобы вместе с папой вернуться домой. Фактически с десяти лет я жила в больнице, которая незаметно стала моей естественной средой обитания. Больные, кровь, гной, раны, перевязки, боль и человеческие страдания стали привычными и обыденными картинами повседневной реальности. Временами становилось скучно, и я просила папу пустить меня в операционный зал. Он не возражал. Сначала я сидела в предбаннике, болтая с операционными сестрами, а потом как-то незаметно стала перебираться ближе к таинству на операционном столе.

Медсестры переодевали и намывали меня для соблюдения условий стерильности, и в четырнадцать лет я уже ассистировала ведущему хирургу, моему отцу. Может показаться странным, что школьница оказалась в операционном зале, но в контексте обстоятельств того времени ситуация нормально воспринималась как окружающими, так и участниками процесса. К тому же все настолько любили отца и доверяли ему, что ни у кого даже мысли не возникало сомневаться в его решениях.

Неслучайные случайности

У папы на работе я видела много неслучайных случайностей. Я провела в больнице свое детство и воспринимаю ее как храм, где врачи и больные общаются с Богом. Однажды папа прооперировал институтскую подругу, врача ультразвуковой диагностики Ларису с желчекаменной болезнью. Женщина была совсем молодая, лет сорок. На четвертый день после операции мы зашли в светлую палату, ее кровать стояла слева у окна. Солнечные лучи, она ослабленная, умиротворенная, с младенческой улыбкой на лице: «Коля, что-то так щемит в груди». Папа, как всегда оптимистично, приобнял Ларису. Было ощущение, что всем сердцем, так нежно это выглядело. Женщина тоже по-доброму улыбнулась в ответ. Через пару часов Ларисы не стало, тромбоэмболия легочной артерии. Я хорошо помню ее образ и что-то тонкое, неошутимое, в которое не принято смотреть, предшествовавшее ее уходу. Врачи это чувствуют, но всегда надеются и даруют еще один шанс, веря в лучший исход. Что чувствует врач, когда пациент умирает? Щемящую тоску, безысходность и провал, особенно в тех случаях, когда с пациентом связывает что-то личное.

Был случай трофических язв нижних конечностей в результате сахарного диабета. Идем на ампутацию. Медицинская сестра перевязывает ногу, которую будем удалять, чтоб потом отправить в мешок отходов класса В. Мы уже помылись и зашли в операционную. Операционный стол обработан, сестра подает скальпель, и тут раздается громкий и четкий голос папы: «Разбинтовываем ногу!» Что случилось?! Папа что-то почувствовал, усомнился и принял решение все перепроверить. Человеческий фактор: сестра перебинтовала не ту ногу! Мы молча перекрестились... Все переделали, провели операцию и выдохнули с облегчением, что удалось избежать беды и страшной ошибки. Стратегия сомнения лучше, чем безапелляционная уверенность в себе. Максимально выигрышная комбинация – мнение, идущее рука об руку с сомнением.

Однажды я была свидетелем анафилактического шока. Эта картина всплывает в сознании каждый раз, когда я делаю любую инъекцию. Все случилось в обычной перевязочной, где под внутривенной анестезией проводилась перевязка пятки после лечения пяточной шпоры. Больного спас случай. Папа дополнительно вводит анестетик в область пятки, и вдруг мужчина синее, спазм гортани не позволяет дышать и начинаются судороги. Мгновенная реакция организма на препарат. Вен не стало видно. Спасло то, что катетер для анестезии уже был в вене, и туда сразу ввели адреналин и преднизолон – препараты скорой медпомощи, которые стабилизировали показатели давления, пульс, а главное – расширили бронхи. Больной раздышался через маску и уехал в реанимационное отделение под наблюдение. Живой. Я на всю жизнь усвоила этот урок предосторожности и предусмотрительности.

Еще в память особенно врезался один случай. В приемный покой влетает беременная женщина, ложится на кушетку, раздвигает ноги и начинает рожать – стремительные роды. И я вижу, как из маленького отверстия, превратившегося в зияющую дыру, появляется голова, прямо как в фильме «Чужой». Медперсонал начинает быстро готовить лотки, инструменты и салфетки, а я, оставшись с роженицей наедине, наблюдаю картину родов. И лишь когда в приемном покое появились врачи, я, находясь в предобморочном состоянии, разрешаю себе съехать по стене.

Мама

Моя мама, врач-терапевт Наталья Николаевна, самая добрая, ласковая, мудрая и ранимая из всех, кого я знала. Ее воспитание в послевоенные годы было суровым, да и как могло быть иначе в доме, где росли сразу три девочки, а глава семьи Амельченко Николай Иванович был инвалидом. Чтобы близкие не голодали, ее мать Евдокия Андреевна, была вынуждена работать на трех работах, какие уж тут нежности...

Живой, подвижный ум и чувственность при отсутствии поддержки окружения закалили ее характер, одели в непробиваемый бронежилет, в котором, упрямо и бескомпромиссно преодолевая препятствия, мама несет свои убеждения по жизни. Она всегда точно знает, как и что правильно для нас, ее близких. Но даже через ее твердые установки всегда просвечивают пути вероятностей, свободы выбора и проживания. Мама умеет быть вездесущей, идти, как танк, напролом, копить деньги, буравить все, что стоит на ее пути к цели. Люди к ней тянутся, и она им помогает, сумев стать для них Символом.

Мама хотела поскорее начать самостоятельную жизнь и видела ее вдали от родных. Волею судеб она оказалась в городе Гомель, где поступила в лучший по тем временам вуз города, медицинский университет. Отучившись там три года, мама перевелась в симферопольский медицинский вуз, где и познакомилась со своим будущим мужем, моим папой. На лекциях в огромных аудиториях она постоянно вязала, причем делала это так быстро и мастерски, что привлекла внимание отца, который подсел поближе, чтобы познакомиться. Они начали встречаться в общежитии номер 1, где на втором этаже оба подрабатывали в санатории-профилактории. Интересно, что впоследствии, поступив в мединститут, я поселилась в этом же общежитии. Кстати, и практику на третьем курсе я проходила в поликлинике в селе под Херсоном, где когда-то работала мама.

Я стала свидетелем очень многих маминых консультаций, осмотров и бесед, где люди жаловались на свое здоровье, рассказывали о тяжелой судьбе. Училась у нее тому, как из разрозненных, часто не связанных между собой фактов вычленять суть и складывать, будто пазл, четкую картину диагноза. Каждый разговор подсказывал мне психосоматическую природу болезни, я понимала, что корни многих заболеваний кроются в мыслях и чувствах человека, в его интерпретации жизненных событий.

Как я уже написала, люди всегда тянулись к маме и относились с глубоким уважением, стараясь отблагодарить. Мне всегда импонировал пиетет, который больной испытывает к врачу, как к кому-то крайне важному в своей жизни. Деньги, домашние яйца и закрутки, платки, мед, молочные продукты, – в знак благодарности несли все, что могли. Дома у нас была огромная шоколадная фабрика. Мы не знали, куда девать такие объемы продуктов, и раздавали всем соседям и гостям. Именно тогда я поняла, что врач никогда не останется голодным, что бы ни происходило...

Все в мире дуально и имеет обратную сторону. В маме тоже это присутствовало. Осознание приходит ко мне сейчас, когда в свои сорок я пишу эту книгу и как бы проживаю истории под новым углом, смотрю на все с другой колокольни, переписываю нашу семейную историю. И если тогда я видела вечно недовольную, кричащую, властную мать, которая не поддерживала мои начинания, то сейчас мама предстает в самых прекрасных образах. Да, тогда было много боли. Но что есть боль? Это универсальный язык, на котором с нами разговаривает мироздание. Когда нам слишком хорошо, мы не растем и не развиваемся. Я не позволяю себе долго консервироваться и мариноваться в благодатном состоянии, а иду за импульсами в неизвестность в компании сподвижников, своих людей, которые не дадут мне быть менее яркой, чем я могу.

Много трансформационного в нашей жизни происходит через боль и преодоление страхов. У человека есть некий потенциал, емкость для принятия и знакомства с мирозданием, поэтому неизбежно или судьба преподнесет нам события, или же мы сами пойдем им навстречу, создавая свои правила. Лучше следовать за божественной искрой, импульсом, появляющимся внутри нас. Можно закрыть на него глаза, а можно выйти из состояния автоматизмов и обусловленностей, шагнув в неизведанное. Это делает человека могущественным, богатым, здоровым и красивым, но почти всегда – через боль и страхи. Главным отличительным знаком того, что вы на верном пути, будут недоумение, смятение, отрицание, фрустрация и сопротивление окружающих. Это не хорошо и не плохо, это – Полнота. Я называю это так.

Эмоциональная проявленность

Крик мамы по любому поводу был слышен на всю улицу, на весь наш дом, у которого, казалось, шатались стены. Всегда говорила себе, что никогда не буду такой. И что вы думаете? Я стала точно такой же. Впоследствии я увидела, что, критикуя кого-то, незаметно перенимаешь критикуемые качества и становишься таким же. В этом особенность критики. Крики, от которых мне сложно уйти, стали моими спутниками. Будучи частью меня и моей эмоциональности, крик сопровождал меня на протяжении всей жизни, часто приводя к негативным последствиям и разрыву отношений с близкими людьми. Я боролась, честно пытаясь проработать и преодолеть себя. Помогла влюбленность, через погружение себя во влюбленность я перестала кричать. Какое-то время автоматизмы еще пытались по привычке отреагировать на раздражитель, но ощущения и реакции в теле уже изменились на гормональном уровне. Крик закончился. Как можно кричать, когда в теле разливается это прекрасное пьянящее чувство?!

Зная, что все, что мне активно не нравится, обязательно со мной произойдет, я стала внимательнее относиться к людям вокруг. Во избежание инстинкта моделирования (перенимание качеств других людей, с которыми проводишь много времени) я очень тщательно выбираю компанию и сама создаю свое окружение. Это команда близких по духу и профессиональным качествам людей, с которыми мы можем совместно расти и двигаться вперед.

Поступление в медицинский

Я очень хотела уехать из своего города Херсона подальше, чтобы, живя отдельно от родителей, приобрести новый опыт. Не сказать, что родители как-то ограничивали и сковывали меня, но интуитивно я жаждала изменить именно географию. Как ни странно, но для поступления я рассматривала не только медицину, с детства ставшую, как я писала, моей естественной средой обитания, но и юридические, и экономические вузы. А еще мне было интересно предпринимательство. Только медицинские вузы находились в других городах – в Симферополе и Запорожье. Это был мой шанс вырваться на свободу. Сепарация проходила болезненно. Мне казалось, что родители недостаточно умные, предприимчивые, состоятельные относительно возможного. Я во всем видела недостаточность: мало любят, мало вникают, хотя должны, слабо компетентны и осведомлены в вопросах мироустройства – такой вот юношеский максимализм в прогрессии.

В первый год я не поступила в медицинский, сразу провалила химию. Мой любимый 11 «А» класс 6-й гимназии, все мои лучшие друзья поступили в разные университеты, их жизнь заиграла новыми яркими красками, а я осталась у обочины, наедине с собой. Я была единственной из своего класса, кто не поступил в университет с первого раза. Когда я узнала про двойку по химии, то испытала такую боль, что легла на высокую кровать и падала на пол, чтоб физической болью заглушить обиду и тоску. В восемнадцать лет ощущала себя центром мироздания и была уверена, что мир принадлежит мне. Любая неприятность воспринимается как личный удар, кажется, будто мир выкинул меня на обочину из своих объятий, и жизнь закончилась. В таком состоянии я возвращалась домой, все вокруг было черным, слезы постоянно лились градом. В тот период мама стала для меня твердой опорой. Она не жалела меня, но всегда была рядом. Щемящая тоска, одиночество, ненужность миру, заброшенность – ощущения, с которыми я проживала то время. Бездействие и замороженность давали о себе знать. Тело болело, мысли и процессы внутри остановились. Моими спутниками стали чувства неуверенности, недостаточности, несоответствия стандарту. Я пыталась выйти на связь для общения с друзьями, но слышала, как у них кипит жизнь, как подруги торопились закончить разговор, и, конечно, ни у кого не находилось времени для встреч. Любые попытки установления коммуникаций заканчивались неудачей. Так впервые у меня случилась депрессия.

В это же время ушла из жизни моя бабушка Евдокия Андреевна. В обычной жизни мы были настоящими врагами, дрались, оскорбляли друг друга и доводили, что называется, до ручки, а перед ее уходом стали очень близки. Я мыла ее, легла к ней в постель, обнимала, слушая занимательные истории из жизни. Бабушка будто бы проживала все заново, переписывая через общение со мной свою историю. Мы очень сблизились, и после смерти я часто ощущала ее присутствие и даже помощь. Она будто оберегала меня и давала много сил.

Видя, что у меня развилась депрессия, родители включились в процесс, и с их помощью я переехала в Симферополь, где находился подготовительный факультет медицинского вуза. В октябре меня зачислили на подфак, и я самозабвенно начала готовиться к поступлению. В итоге настолько ответственно подошла к вопросу поступления, что поступила сразу в два учебных заведения, в симферопольский и запорожский медицинские вузы. За десять дней сдала шесть экзаменов, мотаясь между двумя городами с мамой в группе поддержки, и набрала высокий проходной балл. Выбрала я Севастополь, поближе к морю и кипарисам, где проводила летом школьные годы. Крым манил меня воспоминаниями об Артеке, ленкоранской акации, желтых чемоданчиках Казантипа и друзьях моего старшего двоюродного брата, на которых я смотрела с придыханием.

Сперва я жила у гречанки Дианы, снимая комнату в ее доме. Чувствовался сильный контроль, манипуляции, я тогда слабо что-то понимала, но ощущала постоянно усиливающееся

давление. У нее умер молодой муж, а вскоре ушел и сын. Мне уже казалось, что если я продолжу жить с ней, то и со мной что-то случится. Ощущалась абсолютно гнетущая атмосфера, замаскированная под заботу, внимание. Несмотря на отсутствие объективных причин, мне было скверно, и я мечтала поскорее сбежать из этого дома.

На подфаке я подружилась с Аватеф из Туниса, мы много времени проводили вместе. Благодаря ей я познакомилась с арабской культурой. Среди студентов были и индусы. В университете запад встречался с востоком. Кстати, я до сих пор помню запах пряностей, аромат карри и жареного чеснока с анчоусами, доносящийся из кухни общежития. При разных менталитетах и привычках, мы всегда делали шаги навстречу друг другу. Студенчество было очень впечатляющим, насыщенным на события и проживания, но это было время становления, и я еще слабо осознавала и идентифицировала себя.

Мне хотелось быть как все, но смешаться с толпой не получалось, мешала сильно проявленная уже тогда индивидуальность, и я часто выдавала реакции, вызывавшие изумление, а порой и неприятие. Причин этого не понимала и очень тяготилась повышенным вниманием окружающих. Подруга Ксения называла меня Жанной Агузаровой из-за некой непредсказуемости, хотя я изо всех сил старалась соответствовать ожиданиям людей вокруг. Всегда ощущала себя особенной, необычной, многое из того, что было дано мне, не происходило в жизни других людей. Моя природная яркость заставляла окружающих говорить обо мне, и порой доносились отголоски таких небылиц, что я просто в ступор впадала. Будущее вырисовывалось смутно, никаких планов, как и дальнейших вариантов развития событий не было.

Тренерство и фитнес

На втором курсе я пошла на занятия фитнесом, чувствуя трепет перед тренерами клуба – длинноногими, как лани, блондинками. Под разными предлогами заходила в тренерскую, и, затаив дыхание, слушала их разговоры. Через год в летний период, когда все разъехались в отпуска, я осмелилась напроситься самой стать тренером. На первых занятиях в моей группе было 1-2 человека, но со временем я стала собирать залы по 25 человек, ведя тренировки в лучшем фитнес-клубе Симферополя. Я всегда замечала за собой скрытый шлейф лидерских задатков. В открытую лидером быть не хотелось, опять-таки чтоб не привлекать повышенное внимание.

Много времени я проводила в общежитии и не понаслышке знала, что студенты в те годы активно практиковали употребление всевозможных запрещенных веществ (производство и употребление наркотических средств незаконно и карается уголовным преследованием на территории РФ). Я проводила много времени в подобных компаниях, увлекавших свободой, творческим полетом и неординарностью, но сама не употребляла. Различные вещества, как и курение с алкоголем, были для меня всегда чуждыми, да и ежедневные тренировки фитнесом диктовали правила здоровой жизни. Я увидела, что практически все истории употребления психотропных веществ заканчивались плачевно: кто-то умер от передозировки, кого-то отчислили за неуспеваемость и прогулы, а кто-то опустился на самое дно. Конец всегда предсказуемый.

Всегда и везде я чувствовала, что мир большой, а я маленькая, люди группируются, они сильные, а я сама по себе и более уязвимая. Но примыкать к кому-то, быть частью группировки – это не мое, там всегда иные, чуждые мне правила. Я познавала мир, пробуя везде по чуть-чуть, как будто искала свою стаю. Тогда я еще не умела смотреть на себя со стороны, но сейчас, оглядываясь назад, понимаю, что была необычной и интересной, сильной, твердой во взглядах, умной и храброй. Вела я себя при этом достойно и порядочно. В университете меня все знали и хотели со мной дружить. Я давно поняла, что общественное мнение формирует некий образ, заложником которого ты можешь оставаться долгие годы. Но эти ярлыки и описания сильно ограничивают человека, не давая ему проявляться. Если бы в университетские годы я знала, каких успехов достигну, это бы здорово поддержало меня.

В ту пору я с уверенностью, любопытством и азартом бралась за все новое, находясь постоянно в поисках неизведанного. Учиться медицине непросто, особенно первые курсы, но мне учеба давалась легко, помогала хорошая концентрация, память и, конечно же, насмотренность, полученная благодаря проведенному в больницах времени. Тогда я проживала очень счастливую жизнь. Мне повезло, что по наследству от родителей мне передался высокий уровень гормонов радости, это обеспечивает повышение градуса счастья в мироощущении и проживании жизни.

Студенческая жизнь

В начале первого курса все присматривались друг к другу, пытались занять свои роли и позиции. Я, как всегда, не вписывалась в общепринятые стандарты, проявляясь по-особенному. Конечно, у меня были безуспешные попытки соответствовать. Наверное, в определенных ситуациях неординарность скрыть нельзя. А как подружиться, кому открыть душу, с кем я готова покорять вершины, вот с этим загвоздка. Все были достаточно закрытыми, и отношения выстраивались поверхностные или коалиционные. Группировались, объединялись друг против друга. Мне это было неинтересно. Поэтому я была как бы сама по себе, со всеми по чуть-чуть, и всегда не хватало близости, глубины. Все институтские годы я наполняла свою жизнь разным, но всегда чувство одиночества было моим верным спутником.

Все новое и неизведанное рождало во мне влюбленность и притяжение. Тяга бывала очень сильной, я могла горы свернуть, творить чудеса, договариваться с любым и обо всем. Отмечала в себе то, что я очень увлеченная личность, если меня что-то захватит, ныряю в процессы с головой, ничего не видя вокруг. В университете было много состояний влюбленности к миру и ко всему, за что я бралась. Я влюблялась постоянно, сильно, мощно, навсегда. Мне было важно не переносить на субъект всю бурную гамму ощущений и фейерверк эмоций. Мозгу, напротив, важно прикрепить возникшее чувство к чему-то физическому и дать очертания. Я давала чувствам возможность быть, даря любовь окружающим людям, не концентрируясь ни на ком конкретно, относясь ко всем с любовью, заботой и вниманием. Это ценное состояние, которое важно аккумулировать, бесстрашно обуздав эмоциональную лавину, чтобы обрести власть над собой. Я должна руководить дарованными мне состояниями, а не идти на поводу захватывающих чувств. Влюбленность окрыляет, расшатывает, выбивает почву из-под ног, приводит к необдуманным, иррациональным поступкам. Вообще это постоянное пребывание в состоянии влюбленности сильно выгодная позиция, когда одновременно с этим ставишь перед собой наглые цели, рисуешь карту мечты, вовлекаешь себя в разные игры и иницируешь много разных проектов и проявлений себя. Главное, не зависать на одном. А пробовать себя по-разному, с разными людьми, в разных локациях и местах. Жизнь сильно интересная и продуктивная именно в разных конфигурациях.

На силу человека значительно влияет, пройдет ли он такой жизненный этап с удивлением или с сопротивлением, с глубиной или по поверхности; так, что никакого следа не останется, или возникнет новое понимание мира и себя.

Учеба в университете, несмотря на свою сложность, давалась легко. Мне достаточно было лишь посещать все занятия, и знания сами естественным образом входили в мою голову. Учились мы весь день, требования были высокими. Помню, как в первый день занятий все студенты оказались в анатомичке (анатомический театр), где на столе лежало нечто в черном пакете с резким запахом формалина. Когда мы подошли поближе и преподаватель снял пакет, это оказалось... Думаю, вы сами догадались. От неожиданности кто-то с криком выбежал из зала, а кто-то грохнулся в обморок. Мне же было любопытно, но точно не страшно. По анатомии у меня было 5 баллов. Мне нравилось множество медицинских дисциплин. Анатомия, препарирование, кости, мышцы, нервы – все давалось легко. Если же и преподаватель оказывался харизматичным, то материал вообще усваивался быстро.

Первые три года учебы преобладали теоретические дисциплины, вроде анатомии и топографической анатомии, гистологии, физиологии и патофизиологии, микробиологии, химии и так далее, а вторые три года мы проводили в клиниках, изучая прикладные дисциплины, такие как общая хирургия, акушерство и терапия. После учебы я вела группы по фитнесу, а потом отправлялась тусоваться в клубы, где наслаждалась музыкой, танцами и знакомствами с новыми людьми, среди которых были представители золотой молодежи, известные спортсмены

и предприниматели. Несмотря на то, что для меня это был новый неизведанный мир, все казалось понятным и естественным, я чувствовала себя как рыба в воде. Это были мои люди и те, кто в дальнейшем сильно повлиял на мое становление и жизнь. Толерантность к риску, здоровый авантюризм, смелость, вариабельность в принятии решений и находчивость – всему этому я училась у своего нового окружения ночной жизни. Выбирая между «думать» и «делать», я сразу выбирала второй вариант, это был тотальный приоритет действия в моей жизни.

Я всегда была трезвой, и никогда не употребляла алкоголь. Спала по четыре часа, а утром бежала на занятия, ничего не пропуская. Мне очень нравилось такое чередование умственной дневной нагрузки с физической вечерней и ночной. А самое главное – мне всегда было весело без употребления любых стимуляторов, хотя этого «добра» вокруг было предостаточно. Еще я играла в университетском КВН, участвовала в конкурсе красоты университета и завоевала титул «Мисс грация». Также появился опыт телеведущей: мои занятия гимнастикой снимало телевидение и транслировало для крымских каналов. Родители, как могли, поддерживали, постоянно передавая из Херсона тяжеленные сумки с продуктами. Это было осязаемое подспорье.

Но не обошлось и без разочарований. Однажды на четвертом курсе мы с однокурсником сделали научную работу по гемодиализу. Договорились, что я отвечаю за научную часть и буду докладывать на кафедре. А в итоге он путем некрасивых манипуляций присвоил наш совместный труд себе. Я присутствовала при этом моменте и наблюдала, как он старательно прятал от меня глаза, был готов пожертвовать и репутацией, и дружбой ради сиюминутного успеха. Таких неуютных моментов в университетской жизни было немало, возможно, из-за отсутствия культурного кода и наличия ярко выраженного мужского шовинизма практически на всех кафедрах, но если занимаешься любимым делом, то на каждом этапе надо уметь находить приятное, жизнеутверждающее и то, что нравится делать. Нужно продержаться как можно дольше, и победа, признание, пациенты обязательно случатся. На все необходимо время, как бы ни хотелось все и сразу.

Еще для становления в профессии врача помогает династия в профессии – родители-врачи, либо бабушки с дедушками. Как будто с рождения в виде бонуса в тебе уже есть особенные качества: эмпатия, умение зреть в корень и видеть смысл между слов, аналитика, детализация и интуиция. И все как будто намного легче и проще дается. Научно правильно считать, что наследуется генотип, а фенотип не передается. Но есть ощущение, что влияет не только воспитание, а идет передача органики приобретенного опыта для следующего поколения.

Часть вторая. Пациенты-Проводники

После университета я выбрала общую хирургию в качестве дальнейшей специализации. Это было про адреналин и экстрим, а также про видимые результаты своей работы. Мой склад характера был нацелен на резкость, быстрое принятие решений и детализацию процесса. Но распределиться в интернатуру на общую хирургию было нелегкой задачей. Целевых мест было всего шесть, да и на те уже имелись претенденты. Домой возвращаться я не хотела, так как понимала, что под родительской опекой профессионального роста не будет, да и несмотря на то, что в больнице, где работал папа, как будто бы под мое возвращение открыли отделение пластической хирургии.

Из Симферополя я поехала в Севастополь и попыталась попасть на прием к главному хирургу Крыма, но в министерстве застать его не получалось. Тогда я нашла его в клинике, где отказать мне в приеме уже не было возможности. Чекрий Валерий Павлович, так его звали, подсказал мне еще одну возможность, а именно целевое распределение преподавателем по общей хирургии в колледж для среднего медперсонала. Правда, для сбора документов мне пришлось еще 6 раз съездить в министерство в Киев. Для получения заветного места оставалось последнее препятствие: я должна была стать женой госслужащего. Казалось бы, стена непреодолима, но для меня не было ничего невозможного, и фиктивный брак решил проблему. В контексте того времени и жизни на постсоветской Украине подобное было вполне в порядке вещей. Через полгода я развелась. Интересно, что своего фиктивного мужа я видела всего четыре раза: при знакомстве, росписи, разводе, а последний раз – при поступлении к нам в больницу с аппендицитом. Вижу знакомое улыбающееся лицо и с трудом узнаю его.

Оглядываясь назад, я уверенно могу сказать, что можно было быть еще более смелым, предприимчивым, не зависящим от чужих мнений и ожиданий. Жить нужно на полную катушку, искренне и без страха.

История болезни

Три года я проходила интернатуру в Севастополе в отделении общей хирургии больницы скорой помощи. Работа была экстремальной. После 15:00 все острое, что могло случиться в городе, попадало в нашу больницу: травмы, кататравмы (падения с высоты), огнестрелы, ножевые ранения, аппендициты, кровотечения и непроходимости. Всех пациентов с острыми состояниями доставляли к нам. Какова была моя роль? Если это рабочая смена, то сперва была планерка, затем я делала обход отделения с хирургами, затем проходила общая планерка всей больницы, а потом – написание историй болезни, выписки, справки о смерти, назначения, перевязки, общение с больными, пункции, вскрытие кишечных стом, поручения от хирургов и долгожданные ассистенции операций. Я училась, как делать правильно, анализировала последствия, собирала информацию. Смотрела, как работают разные хирурги, наблюдала динамику у больных, изучала тактику в операционной и назначения после операций. Когда мне удавалось увидеть гистологию или впоследствии узнать о судьбе больного, это было по-настоящему ценно, и вся картина складывалась воедино.

В отделении меня, мягко говоря, недолюбливали. Не любили потому, что я женщина, прямолинейная и смелая, имела свое четкое мнение и не жила по правилам нашего отделения больницы. Одним из этих правил было выпивать на дежурстве. В нашем отделении пили много и регулярно. На дежурстве, а поначалу я брала дежурства через день, субординатор шел на рынок, покупал продукты, водку, готовил обед и ужин. Готовить надо было хорошо, это было ключом для входа в операционную, ассистенцию, и по мере взросления доверялись уже определенные этапы операции.

Готовила я плохо, это не совсем мой конек, поэтому меня постоянно за это прессовали. Алкоголь не употребляла совсем, и это был уже весомый аргумент сделать меня изгоем дежурной бригады. Во всем остальном было ровно, я работала в приемнике, сортировала пациентов, отделяла хирургический профиль от других (это ответственная работа, хирургических больных нельзя пропустить, но в тоже время поднимать в отделение терапевтических, у кого просто кольнуло в животе, или хроников тоже нельзя), делала пробы на скрытую кровь. На это задание меня отправляли с особой любовью. Дело в том, что суть процедуры заключается в исследовании кала больного на наличие крови и осуществляется пальцем врача с доступом через прямую кишку больного или, проще говоря, анус.

Я щупала животы, бегала по отделениям. Затем следовал этап наблюдения за хирургическими больными, более тщательный сбор анамнеза, анализы и сама операция. Вход в операционную был кульминацией всего того, ради чего, собственно, и проводилась прелюдия. Именно там начиналась магия и волшебство. Стерильные покрывала, запах автоклава и медицинская сестра, сосредоточенная, сконцентрированная, настоящая хозяйка этого царства стерильности. Высокая, грациозная, как лань, с гордой осанкой и таинственной улыбкой. И, конечно же, очень строгая. Она самая важная в операционной, она истинный настоятель этого храма. Вообще-то эта роль отведена врачу-хирургу, но у нас было иначе.

Ради работы в операционной я на многое закрывала глаза. Дедовщина, сексизм, шовинизм, издевательства коллег, бессонные ночи, маленькая зарплата, усталость – все растворяется и меркнет, стоит лишь переступить ее порог. Есть операционный стол, на нем больной. Операционное поле, на котором хирург творит все возможное и невозможное: возвращает жизнь, улучшает ее качество, устраняет опухоль, воспаление, ушивает грыжу, зашивает рану или дырку в стенке желудка, кишечника. И пусть поутру пациент, проснувшийся уже без изнуряющих болей, не помнит лица своего спасителя и не знает его имени, все это совершенно неважно. Лишь одно имеет значение: еще одна свершившаяся победа, еще одна улучшенная человеческая жизнь и это потоковое состояние. Ты не подключаешься к нему, ты и есть поток.

Выбор места

Поступает к нам девочка, молодая, кататравма, падение с высоты. Села на обрыве справиться нужду и свалилась с горы. ЧМТ (черепно-мозговая травма), переломаны конечности, ребра, разрыв селезенки, разрыв печени, кровоизлияния в стенках брыжейки кишечника, кровотечение органов малого таза. Такого количества хирургов на один квадратный метр я не видела никогда! Травматолог, нейрохирург, общий хирург, гинеколог – все одновременно приступили к работе. Спасли девочку.

Про непростых пациентов и последствия

Поступает к нам сын важного чиновника пожарной охраны. Принимаем его в рамках сортировки всех больных в порядке тяжести состояния. Ему очень не понравилось, что все сразу не выстроились в очередь спасать его, и начал проявлять раздражительность. Уже в отделении врач докуривает сигарету на балконе, идет осматривать, начинает пальпировать живот, а пациент ему: «А ты руки мыл перед тем, как мой живот трогать?» Врач в ответ: «А ты живот мыл перед моим осмотром?»

Невыделение этого больного среди других стоило нам пожарной проверки ровно в день его выписки: пожарная сигнализация с требованием эвакуации, в четыре утра снова пожарная сигнализация как часть проверки скорости эвакуации. Не пожалели даже больных реанимации, их пришлось на каталках спускать со второго этажа на улицу. Весело, конечно, но тогда было ощущение, что нас уделали. Еще чуть позже лифт, на котором мы перевозили больных, грохнулся с четвертого этажа в подвал. И в операционную уже везли не только новых поступивших больных, но и наших медсестер, пострадавших при падении лифта... Вот такая «романтика». Никогда не знаешь, какие сюрпризы готовит жизнь.

615-я палата

Поступает в мою 615-ю палату женщина, в анамнезе двадцать пять полостных операций на теле. Когда я собирала анамнез и увидела ее первый раз, то была сильно удивлена ее историей: холецистит, аппендицит, гинекологические операции, дивертикул и затем рецидивирующая спаечная кишечная непроходимость, выраженный болевой синдром. Я много часов провела у ее кровати, она была мне интересна. Худенькая, красивая. Ее так сильно любил муж, заботился, буквально носил на руках. Мне показалось, им это нравится. Ей – болеть и быть особенной, не такой, как все. Ему нравилось, что у него беззащитная жена, а он такой сильный и заботливый рядом. Меня удивляли подобные мысли, но ощущения были именно такими. А поступала она с диагнозом «хроническая боль» с целью получить наркотическое обезболивание. Предполагаю, что были определенные договоренности, и приезжала она именно за этим. Позже я регулярно видела эту пациентку в 615-й палате, которую курировала.

Жажда жизни

Еще за мной была 627-я палата. Помню милую бабулю, лежала она у двери слева. Поступила с болями в животе, две недели не было стула, живот как барабан, тимпанит. На рентгене – Чаши Клойбера. Берем в операционную, брыжейка черная, вводим папаверин. Ставим диагноз «тромбоз сосудов брыжейки кишечника». Говорим родственникам, что бабушка умирает, это вопрос нескольких дней. И продолжаем консервативное лечение. Проходит неделя, за ней вторая, а бабушке все лучше и лучше! Вот уже бегают, и газы стали отходить, и в туалет самостоятельно ходит. Ну, хочется еще пожить, порадоваться, да и дела незавершенные остались. И человек изо всех сил борется за жизнь, при том, что объективных причин для этой самой жизни уже не осталось! Так и с нашей бабулечкой получилось вопреки всем ожиданиям врачей.

Все свое...

Поступил мужчина, паховая грыжа. Прооперировали, все благополучно, и вдруг больной подзывает меня, протягивает пакет и говорит: «Ирина Николаевна, это вам, спасибо, что спасаете людей». Открываю пакет, а там – нити, дорогой шовный материал для операций! Откуда только взял! Так я получила первый гонорар, первую благодарность. Но самым значимым было обращение ко мне по имени-отчеству, ведь раньше больные звали или по имени, или просто доктор, а то и сестричка. А тут – целая Ирина Николаевна, важная и замеченная. От счастья и гордости я летала по отделению.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.